

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**«ДЕНЬГИ ОБЛАДАЮТ... МАГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ»**

Бигиев М. *Закят* / Пер. со старотат. Т.Х. Хабибуллина и И.А. Зарипова. – Наб. Челны: Ислам Нуры, 2013. – 228 с.

Р.И. Беккин

Лет десять назад кто-то из татарстанских коллег рассказал мне, что первыми, кто ещё в начале XX в. заговорил об исламских банках, были татары. Я не поверил этим словам. Прошло почти десять лет, прежде чем я окончательно смог убедиться в своей неправоте...

Сейчас в России уже никого не удивит публикациями по исламской экономике. Среди книг и статей на эту тему встречаются как переводные издания, так и оригинальные сочинения, в которых либо содержится анализ существующей практики исламских финансовых институтов (банков, страховых компаний и др.), либо приводится набор этических принципов (предписаний), касающихся экономической деятельности (поведения) мусульман.

Исследование известного мусульманского богослова Мусы Джаруллаха Бигеева¹ «Закят» не относится ни к одной из двух указанных выше категорий. Книга эта заслуживает внимания в первую очередь потому, что была написана за несколько десятилетий до того, как в религиозной и светской литературе появился и стал широко употребляться термин *исламская экономика*, и почти за полвека до того, как были учреждены первые исламские банки.

Рассматриваемое нами издание представляет собой перевод со старотатарского языка книги М. Бигеева, изданной в 1916 г. в Петрограде в типографии М.-А. Максудова. Перевод выполнен двумя молодыми учёными из Академии наук Республики Татарстан – Т.Х. Хабибуллиным и И.А. Зариповым.

Появление на русском языке сочинений Бигеева всякий раз вызывает интерес – и в первую очередь со стороны татар-мусульман, для которых наследие выдающегося богослова долгое время оставалось недоступным. Значительная часть его богословских произведений опубликована А.Г. Хайрутдиновым в двухтомном издании [1]. В 2012 г. наконец вышел из печати репринт выполненного Бигеевым перевода Корана на старотатарский [2]. Однако сочинения Бигеева, посвящённые экономическим вопросам, до сих пор не были переведены

---

¹ Здесь и далее мы употребляем фамилию учёного так, как он сам предпочитал писать её на русском языке: *Бигеев*. Вместе с тем большинство работ, посвящённых Мусе Джаруллаху, содержат иное написание его фамилии: *Бигиев*. Не является исключением и рассматриваемая нами книга.

и опубликованы на русском языке. По мнению исследователей творчества Бигеева, таких работ насчитывается как минимум три: две из них («Ростовщичество и банки в исламе»² и «Страхование жизни имущества»³) опубликованы на арабском языке и одна («Закят») – на старотатарском.

Книга «Закят» является первым исследованием Бигеева, в котором тот рассматривает финансовые отношения в контексте мусульманского права. По замыслу Мусы Джаруллаха «Закят» был третьей частью в серии книг, посвящённых важнейшим вопросам исламского вероучения. Первая в этой серии работа, «Основы реформ» («Ислахат эсаслары»), по словам самого Бигеева, «содержит в себе все насущные потребности нации, живо разъясняя её идеи, становясь вехой политических, социальных и культурных движений в её среде» (с. 28). Вторая книга, «Основы шариата» («Шаригат эсаслары»), «была написана в соответствии с основами и нормами исламского законодательства (шариата) для математически доказуемого определения его центрального положения в череде цивилизованных законов и прав общества» (с. 28). И, наконец, третья работа, «Закят», призвана «раскрывать вопросы исламского законодательства по вопросам ростовщичества и процента» (с. 28).

Название книги («Закят») не может не ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Тот, кто ожидает увидеть здесь лишь анализ шариатских положений, касающихся сбора и распределения очистительного налога – *закята*, будет разочарован. Собственно самой теме *закята* в сочинении уделено не более 10%. В предисловии к книге Бигеев критикует взгляды башкирского просветителя и учёного Закира Аюханова (1889–1961), высказанные им на страницах издававшегося в Оренбурге журнала «Шура». Бигеев указывает на неточность в передаче Аюхановым текста одного из *хадисов*, касается проблемы соотношения между *закятом* и светскими налогами, подробно останавливается на позиции шариата по вопросу выплаты *закята* с дров. Сама же книга полностью посвящена теме запрета ссудного процента в мусульманском праве.

Начиная разговор о ростовщичестве, Бигеев ставит перед собой амбициозную задачу, оказавшуюся, по его мнению, не по силам другим мусульманским учёным, – дать богословско-правовое решение проблемы ссудного процента: «...ростовщичество является сложнейшим вопросом как с практической, так и с теоретической точек зрения. Даже такие великие мусульманские правоведы (*факих*), как автор “Аль-Мувафакат” имам Аш-Шатыби и автор “Аль-Фурук” имам Аль-Карафи, справедливо признали свою неспособность решить проблему ростовщичества. Имам Аш-Шатыби в “Аль-Муфавакат” говорит: “Ещё неизвестно, почему подобное этому [ростовщичество] допускается вне пределов денег и еды и не допускается в отношении них? Рассматриваемое осталось скрытым от *муджтахидов*. Это одно из наиболее скрытых обстоятельств, смысл которых не выяснен до сих пор”» (с. 41).

Бигеев, конечно же, не был первым учёным, кто на излёте Нового времени и на заре вторжения капиталистических отношений в страны мусульманского Востока попытался интерпретировать шариатский запрет ростовщичества при-

² «Ар-Риба ва-л-бунук фи-л-ислам» (1946).

³ «Та’мин ал-хайат ва-л-амлак» (1944).

менительно к новым экономическим условиям. На память в первую очередь приходит имя Мухаммада 'Абду, либерализм которого в вопросе легализации ссудного процента зачастую сильно преувеличивают. Бигеев имел возможность посещать лекции 'Абду в «ал-Азхаре» в начале XX в., и ему наверняка было известно мнение этого мусульманского реформатора относительно неприменимости коранического запрета *риба* к операциям современных банков. После пребывания в Каире Бигеев отправился в Британскую Индию, где много общался с местными улемами.

На рубеже позапрошлого и прошлого столетий Индия наряду с Египтом была регионом, где мусульманским правоведам приходилось решать вопрос о соответствии услуг коммерческих банков и других финансовых институтов принципам шариата. Опираясь на положения Корана, учёный мог либо объявить любые сделки, где взимался ссудный процент, недозволенными, либо доказать, что некоторые виды договоров, предусматривающих выплату процента, не подпадают под исламский запрет ростовщичества. Первый путь предпочитали консерваторы, второй – модернисты. Последние при принятии ими решения нередко руководствовались принципом необходимости: формирующаяся мусульманская буржуазия, для того чтобы успешно конкурировать с немусульманами, нуждалась в богословско-правовом обосновании допустимости деятельности коммерческих банков и других финансовых институтов. Так было в Британской Индии, так было в Египте и отчасти в Юго-Восточной Азии.

На практическую значимость для мусульман рассматриваемой им проблемы указывает и Муса Бигеев в своей книге: «Богатый человек своим желанием придерживаться богословско-правовых школ (*мазхаб*) не берёт процент, а его капитал не приносит прибыли. Поэтому мусульманское население остаётся экономически бедным» (с. 120). Означает ли эта фраза, что выводы учёного, касающиеся ссудного процента, были хотя бы отчасти предreshены и обусловлены практической необходимостью?.. Скорее нет, чем да.

Даже если Муса Джаруллах и писал свою книгу с оглядкой на татарскую буржуазию (деньги на издание «Закят», в частности, выделил торговый дом «Байтирек» из Москвы), как нам представляется, самой буржуазии книга Бигеева в тот момент была по большому счёту не очень нужна. И дело даже не в том, что на дворе был предреволюционный 1916 год. К тому времени, когда вышла из печати книга «Закят», татарская (и, шире, мусульманская) буржуазия империи уже не нуждалась в богословско-правовом заключении по проблеме ростовщичества. Она решила эту проблему сама, смирившись с существованием банков и прибегая к их услугам в случае необходимости. Достаточно вспомнить известный факт, что многие *вакфы* в Волго-Уральском регионе до Октябрьской революции существовали на проценты от капиталов, размещённых в банках. Значительная часть средств, собранных на строительство Соборной мечети в Петербурге, состояла из процентных бумаг. Муса Джаруллах, член Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге, разумеется, не мог не знать этого.

Но Бигеев не был бы Бигеевым, если бы обращал внимание на детали. Ставший к моменту издания книги «Закят» учёным мирового уровня, он не замыкался на проблемах отдельно взятого региона. Он мыслил планетарными масштабами и потому адресовал свои сочинения всем мусульманам – независимо от страны

проживания. Всё это вполне согласовывалось со сформулированной им в начале книги задачей богословско-правового решения проблемы ростовщичества – в отличие, например, от ‘Абду и его преемников на посту верховного муфтия Египта, *фетвы* которых по преимуществу касались соответствия шариату услуг местных финансовых институтов.

В основе предлагаемого Бигеевым решения вопроса о современных банковских операциях в свете коранического запрета *риба* лежат рациональные доводы. Он разделяет потребительское кредитование и финансирование предпринимательской деятельности, или (в терминологии Бигеева) ссуды, взятые «из нужды» (*ихтийадж*), и ссуды, взятые для приобретения выгоды (*касб*). В книге также проводится граница между процентами за предоставление отсрочки (*интизар*) и процентами за участие (*иштирак*): «Ссуды, взятые из нужды, не дают роста (*нама*’), в них нет процента, поэтому брать или требовать процент с них запрещено. Ссуды, взятые для приобретения выгоды, обращаются в сфере приобретения выгод, дают рост, возникает прибыль. Получать процент путём участия возможно и позволительно (*халяль*)» (с. 118).

Логика учёного проста: тот, кто берёт потребительский кредит, не обогащается с его помощью, а лишь удовлетворяет свои насущные потребности. Тот же, кто берёт деньги на предпринимательские нужды, получает прибыль и, следовательно, должен (в соответствии с принципом справедливости) предоставить владельцу денежных средств что-то взамен (сверх основной суммы). Но как быть, если прибыли нет? Такое тоже может случиться по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам. На этот резонный вопрос Бигеев ответа не даёт. Но как раз именно здесь и сокрыто принципиальное отличие между исламским и традиционным финансированием⁴.

Имеется ещё один вопрос, ответ на который не вполне ясен из текста книги: что такое проценты за участие (*иштирак*)? Доля прибыли или процентный доход? Между двумя этими понятиями огромная разница, но Бигеев в своей книге с умыслом или без оного смешивает инвестиционный доход, зависящий от результатов предпринимательской деятельности, и процентный доход, получаемый кредитором независимо от результатов проекта, в который вложены средства. В результате невозможно в точности уяснить позицию самого учёного по вопросу дозволенности процента по кредиту, то есть по проблеме, ради решения которой, собственно говоря, и писалась вся книга. В общих чертах всё понятно, но в деталях...

Непоследовательным выглядит и отношение Бигеева к современной ему финансовой системе. С одной стороны, автор «Закята» не видит альтернативы процентным отношениям: «...условимся, что система кредитных отношений в торговле может быть обеспечена исключительно силой процента» (с. 77). Он критикует позицию Аристотеля, осуждавшего, как известно, любой процент, и отмечает, что философ не до конца понял природу денег. При этом сам Бигеев

---

⁴ Бигеев считает, что прибыльность или убыточность займа зависит от «форм его использования». При этом некорректно противопоставляются понятия убыточности и полезности (вместо прибыльности): «Заём в соответствии с формами его использования может быть убыточным или полезным. Если собранный, полученный капитал расходуется для благих целей, он будет полезен, и, наоборот, если будет расходоваться на незначительные, бесполезные вещи, безусловно, он будет вреден» (с. 75–76).

поёт целую оду деньгам, подчёркивая их важную роль в жизни человека: «Деньги обладают также весьма впечатляющей магической силой, притягивающей все человеческие потребности. Деньги наделяют человека экономической силой. Как только человек становится обладателем денежной суммы, в нём проявляется сила хозяйствования, приобретательства. Обладая такой мощью, человек в состоянии вести любую из экономических операций, получать экономические выгоды» (с. 78). С другой стороны, тот же Бигеев считает сложившуюся финансовую систему несправедливой⁵ и предлагает ей альтернативу в виде... исламских банков (*ислам банклари*). Именно идея об исламском банке, проходящая в книге фоном, на самом деле представляет наибольший интерес.

Что же такое исламский банк? На первый взгляд читателю книги может показаться, что это лишь несколько улучшенная копия обычного коммерческого банка: «Учреждение исламских банков – это законно, востребовано и необходимо. Любой из известных в современном цивилизованном мире банков при условии отсутствия несправедливости является законным» (с. 121). Однако дальнейшие уточнения, которые делает Бигеев, позволяют утверждать, что пред нами оригинальный финансовый институт.

За основу при учреждении исламского банка Бигеев предлагает взять исламское казначейство (*байт ал-мал*) – финансовое учреждение, известное в раннеисламский период и практически переставшее выполнять предназначавшуюся ему роль ещё в Средние века. «Требуется вернуть к жизни подробно описанный в книгах по мусульманскому праву (*фикх*) “байт аль-мал”, сделать исламский “байт аль-мал” исламским банком, то есть использовать “байт аль-мал” для сбережения, накопления капиталов» (с. 121).

Исламский банк в представлении Бигеева совмещает функции казначейства, коммерческого банка и благотворительного фонда. Источниками поступления денежных средств в банк выступают *закят*, добровольная милостыня (*садака*), доходы от *вакфов*, деньги вкладчиков и др. Учёный не вдаётся в детали, которые были бы интересны в первую очередь светскому юристу-практику. Какой должна быть организационно-правовая форма такого банка? Каким образом в банке будут разделяться денежные средства, поступившие из разных источников и имеющие в соответствии с требованиями шариата разное предназначение? На каких условиях принимаются вклады?

Муса Джаруллах указывает лишь базовый механизм, с помощью которого исламский банк осуществляет финансирование: «Средства, предназначенные для оборота в сфере торговли, сельского хозяйства, промышленности, становятся капиталом исламских банков. Исламские банки принимают вклады, осуществляют кредитование, получая процент согласно принципу участия в прибыли, но в этих отношениях отсутствует ссудный процент (*риба ан-наси'а*)» (с. 122). В данном случае речь, вне всякого сомнения, идёт о доле в прибыли, но никак не о фиксированном проценте – как в других, менее ясных местах книги, где рассматривается практика традиционных (неисламских) банков.

---

⁵ «Посредством процента происходит прямое ограбление Западом всех богатств мусульманских стран. Запад опутал цепями процента земли, собственность, торговлю мусульманских стран, богатых разорил, а могущественных унижил» (с. 123).

То, что предлагает Бигеев под именем *исламского банка*, сложно назвать готовой моделью финансового института. Это лишь общий набросок, позволяющий тем не менее составить представление о его природе. Однако несомненная заслуга Бигеева состоит в том, что он сформулировал задачу (которую несколько десятилетий спустя попытались решить мусульманские учёные) – создать альтернативную банковскую систему, основанную на принципах шариата. Поэтому книгу «Закят», говоря современным языком, можно справедливо назвать инновационной. Муса Джаруллах опередил своих современников – мусульманских реформаторов начала XX века – в понимании необходимости создания альтернативной финансовой системы, основанной на исламских принципах.

Конечно, исламские банки, с которыми мы сталкиваемся в наши дни, имеют мало общего с тем банком, о котором писал Бигеев в 1916 г. Но едва ли стоит винить его в этом. Таким же образом «заблуждались» учёные, писавшие об исламских банках десятилетия спустя – в 50–60-е годы. Их представления о данном финансовом институте также впоследствии существенно разошлись с практикой.

Мы не знаем, насколько сама книга «Закят», изданная на старотатарском языке и очень скоро ставшая библиографической редкостью, могла повлиять на развитие концепции исламских банков во второй половине XX столетия. В любом случае мусульманские богословы из Египта и Британской Индии, с которыми Муса Джаруллах общался в 30–40-е годы, имели возможность узнать о позиции Бигеева по проблеме ростовщичества и о его теории исламского банка из первых уст – непосредственно от самого учёного. Возможно, к тому времени Бигеев пересмотрел некоторые свои идеи, высказанные в упоминавшихся выше книгах «Ростовщичество и банки в исламе» и «Страхование жизни имущества». Даже если подобная эволюция взглядов учёного имела место, это обстоятельство никоим образом не умаляет значения книги «Закят» почти сто лет спустя после её выхода из печати.

Без изучения этой работы наши представления о том, что мы называем исламской экономикой, будут неполными и односторонними. Знание и понимание того, как зарождалась данная концепция, позволит шире взглянуть на перспективы финансовых институтов, использующих в своей работе исламские принципы. В особенности же книга Бигеева будет полезна тем, кто имеет непосредственное отношение к деятельности современных исламских банков. Им будет над чем призадуматься.

Литература

1. *Бигеев М.* Избранные труды: в 2 т. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – Т. 1. – 336 с.; 2006. – Т. 2. – 256 с.
2. Коран / Пер. на тат. яз. Мусы Биги. – Казань, 2010. – 750 с.

Поступила в редакцию
14.07.14

Беккин Ренат Ирикович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва; заведующий кафедрой востоковедения и исламоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: bekkin@mail.ru